

К.С. БЕРЕЗОВСКИЙ | Обозначение модника в русском языке XVIII–XXI веков
Санкт-Петербург

В статье рассматривается происхождение и значение слов, вербализующих стереотип мужчины-модника, прослеживается развитие данной тематической группы в XVIII–XXI вв.

Ключевые слова: *гендер; заимствование; семантический аспект.*

Складывавшееся на протяжении веков традиционное представление о мужчине в русской языковой картине мира амбивалентно. С одной стороны, в нем содержится образ идеального мужчины – сильного, смелого, трудолюбивого и т.д. С другой стороны, в языковом сознании издавна присутствует и иной образ русского мужчины, которому, в частности, присущи и такие качества, как лень, пьянство, надежда на «авось» и т.д. [Ефремов 2009 а: 47–48]. В Петровскую эпоху в России под влиянием западной культуры возникает еще один стереотип – модный мужчина, или мужчина-модник.

Появившиеся в XVIII в. персонажи, соответствующие данному стереотипу, стали популярны в драматургии, живописи, в сатирических, исторических и публицистических произведениях. Поскольку образ щеголя был в целом характерен для русской картины мира, ориентированной не на внешний вид, а на внутренние, нравственно-моральные качества и на физическую силу мужчины, русский язык заимствовал большое количество номинаций для обозначения модника. «С момента появления в российском светском обществе щегольства как особого культурного явления было отмечено несколько основных эпох подобного воздействия западной культуры: французское влияние в начале XVIII в. (эпоха галантов) и в середине XVIII в. (эпоха петиметров), английское влияние в 1820-е гг. (эпоха денди), французское влияние в середине XIX в. (эпоха светских львов), англо-американское влияние в середине XX в. (эпоха стиляг)» [Иванов 2003 а: 8].

Хронология смены заимствований, вербализующих стереотип модного мужчи-

ны, выглядит следующим образом: *галант(ом) → петиметр → денди / феиенебль / фат / моншер / куртизан → пиют / пиджон → метросексуал*. Особняком стоит слово *франт*, которое может считаться гиперонимом по отношению к остальным компонентам этой тематической группы, однако в современном языке его употребительность стремится к нулю.

Большинство из исследуемых слов заимствовано из французского языка. Именно французский язык выступил и в качестве посредника для первой заимствованной номинации модника в русском языке – лексемы *галант*: этимологически она восходит к немецкому *galant* ‘галантный, учтивый, любезный, обходительный, любовный’.

С середины XVIII в. *галант* сменяется заимствованием из французского языка *петиметр*, являющимся результатом слияния словосочетания *petit-maitre* ‘маленький господин’.

Слово *денди* заимствовано из английского языка в первой половине XIX в. Происхождение весьма темное (см.: [ЭСРЯ МГУ 1973: V, 70]). Скорее всего, оно возникло путем апеллятивации мужского имени *Andrew* [CODEE 1996: 112]. Некоторые исследователи полагают, что *dandy* восходит – как обратное образование – к шотл. *dander* ‘гулять’, и тогда его буквальное значение – ‘гуляка’ [Шанский, Боброва 1994: 70]. Есть и другие версии, менее правдоподобные: 1) от англ. *dandiprat* ‘мелкая монета, равная трем с половиной пенсам’, в переносном значении – ‘ничтожный человек, козявка’; 2) от англ. *dandelion* ‘одуванчик’; 3) от франц. *dandin* ‘маленький колокольчик’, переносно – ‘пустозвон, болтун, балбес, шалопай’ (см.: [Вайнштейн 2005: 24–25]).

Березовский Кирилл Сергеевич, аспирант РГПУ им. Герцена. E-mail: bereza.89@list.ru

Еще одна номинация, заимствованная из английского языка для обозначения модника, – *фешенебль* (англ. *fashionable* ‘модный, стильный’; ‘светский, фешенебельный’; ‘светский человек’).

Слово *фам* (франц. *fat*, от лат. *fatus* ‘глупый, сумасбродный, безвкусный’) пришло в русский язык примерно в то же время, что и *денди*, и *фешенебль*, т.е. в первой половине XIX в.

Лексемы *моншер* и *куртизан* восходят к французским *mon cher* ‘мой дорогой’ и *courtisan* (от *courtois* ‘вежливый’) и становятся известными в России в первой половине XIX в.

В конце XIX в. в русский язык попадают лексемы *пшют* (франц. *pschut* ‘пошляк, хлыщ’) и *pigeon* (исходное значение – ‘голубь’). Стоит оговориться, что слово *пижон* употреблялось и в середине XIX в., однако примеры были единичны, широкое хождение слово приобрело в XX в.

Новейшая номинация модного мужчины, появившаяся в конце XX в. в Британии и в XXI в. в России, – *метросексуал* (от англ. *metropolitan* ‘столичный’ + *sexual*).

Наиболее интересный аспект исследования этих номинаций – семантический. Так, лексема *галант(ом)* во многом сохранила диффузность лексического значения, присущую ей в языке-источнике. Однако основное значение ‘модный молодой человек’ соответствует изучаемому маскулинному стереотипу. Кроме того, имплицитно в значении присутствует сема ‘относящийся к высшему свету’:

Скажите мне, были ли в России науки и искусства, чем все просвещенные народы славятся? Были ли великие полководцы, министры, политики, *галант-омы*? (Кошелек. Еженедельное сочинение, 1774 г.).

Отметим, что данный семантический компонент входит в значения и других исследуемых лексем.

Значение лексемы *петиметр* в русском языке имеет ярко выраженный национально-исторический компонент: связь с французской культурой и историей, подражание французским модным образцам и от-

рицание русских традиций, разрушение национальной самобытности (см.: [Куликова 2004]). Важно отметить и возникшую в российской словесности XVIII в. рефлексиию образа петиметра, которая чаще всего сводилась к презрению и высмеиванию:

...взвиря на *петиметра* и на обезьяну, можно подумать, что или душа обезьяны духовна, или душа *петиметра* вещественна, потому что, по примечанию моему, обе сии души имеют одинакие между собой свойства, одинакие движения и одинакие страсти... (Крылов).

В XVIII в. петиметры были предметом осмеяния в комедиях и известных сатирических журналах, таких как «Сатирический вестник», «Зритель», «Вечера». Не случайно символами петиметрства в XVIII в. стали обезьяна и попугай [Николина 2012: 13]. В начале XIX в. «на смену петиметрам XVIII в. приходят новые шеголи эпохи романтизма: из английского языка – *dandy* и *fashionable*, а из французского – *fat*» [Иванов 2003 б: 90]. Следовательно, можно утверждать, что у заимствований XVIII в., вербализующих стереотип модного мужчины, постепенно усиливается отрицательная коннотация: если *галант* оценивается негативно лишь в немногочисленных контекстах, то *петиметр* называет полноценный объект высмеивания.

Семантический анализ лексемы *денди* позволяет установить, что этот модник надменен и постоянно подчеркивает собственную исключительность (в том числе и за счет чрезмерного ухода за внешним видом). «В отличие от петиметра XVIII в., образцом для которого был парижский модник, русский денди пушкинской эпохи культивировал не утонченную вежливость, искусство салонной беседы и светского остроумия, а шокирующую небрежность и дерзость обращения» [Лотман 1983: 550]. Во всем этом проявляется своеобразный бунтарский характер денди, в то время как «костюм – внешний знак дендизма, однако совсем не его сущность» [Лотман 1994: 196]. Тем не менее изначально важный аристотратический, социально-философский

компонент значения семантической структуры слова *денди* затухает, ядерной семой становится компонент «модный».

Лексема *фешенебль* встречается в русском языке в различных фонетических вариантах (*фешенебль*, *фешенебель*, *фешьонебль*, *фашионабель*, *фешионебль*). Это слово имело гораздо более узкое значение, чем *петиметр* и *денди*: в его семантической структуре отсутствовали компоненты, связанные с социально-историческими реалиями или морально-нравственными принципами. Слово *фешенебль* использовалось исключительно для характеристики чрезвычайно модной внешности, как правило, светского человека (или просто для номинации человека из светского общества). «Шокирующие общество денди», которые создавали моду, первоначально противопоставлялись фешенеблям, которые этой моде следовали [Добродомов 2002]. Примерно с середины XIX в., с постепенным затуханием социально-культурного компонента значения *денди*, эти слова уже не противопоставляются так явно.

Лексема *фат* была популярна в русском языке не только в XIX в., но и в XX в. «Одно из слов, составлявших периферию группы “носители щегольства”, – слово *фат* – с середины XIX столетия становится центром» [Иванов 2003 а: 8]. При описании фата внимание чаще уделяется не его внешности, а образу жизни и поведению; ср., например:

Он жил без рефлекса и тогда, когда был таким милым, теплым офицерчиком, когда был, что называется, «душа», и тогда, когда лет 10–15 позднее стал элегантным и самоуверенным *фатом* полудурного тона в Москве и Калуге, ярмарочным и трактирным львом, обольстителем, игроком и щеголем, плохим родным и сыном почти преступным... (К. Леонтьев).

Ядерные семантические компоненты, эксплицируемые при анализе лексикографических источников и контекстов Национального корпуса русского языка (НКРЯ), – «самодовольный», «пустой, неискренний», «легкомысленный». Таким образом, лексема *фат* продолжает цепочку французских заимствований *га-*

лант(ом) – *петиметр*, наследуя от последнего негативную коннотацию и презрительное отношение к обозначаемому объекту.

Лексема *моншер* в XIX в. функционировала в русском языке и как обращение, и как название модного мужчины. Первая функция этой лексемы обусловлена французским этимологом: *mon cher* ‘мой дорогой’. Другое значение приводится, например, в БАС’е, причем с красноречивыми стилистическими пометами:

Моншер. устар., пренебрежительно Франт, модник; фат [БАС 1 1957: VI: 1248].

В русском языке эта номинация приобрела негативный коннотативный компонент значения, что сближает ее с такими лексемами, как *петиметр*, *фат* и *пижон*. Ср. следующий контекст:

...в захолустном городе, в какой-то Дворянской гостинице, где даже настоящие хорошие господа только притворялись теперь господами, а прочие – просто «уездные моншеры», как он называл их, люди с преувеличенно-барскими замашками, с подозрительно-развязной требовательностью, с низкими больше от водки, чем от барства, голосами. (Бунин, 1927–1933).

Во второй половине XX в. и в XXI в. в НКРЯ не зафиксировано вхождений лексемы *моншер*.

Еще одна заимствованная из французского языка лексема – это *куртизан*. За все время функционирования в русском языке (XIX–XXI вв.) она не претерпела никаких семантических трансформаций, кроме перехода в разряд устаревшей лексики. Ее основные семантические компоненты («придворный», «женоугодник») сохраняются и в поздних употреблениях, ср., например, в середине XX в.:

Напрасно, мне казалось, он думает, что в Цехе есть что-то военное, на роту или взвод это отнюдь не было похоже, члены Цеха скорее напоминали (в их отношении к главе Цеха) *петиметров* и *куртизанов* в свите одного из Людовигов. (Берберова).

Лексема *куртизан* имеет тесную семантическую связь с французским этимологом *cour* ‘двор’, что часто отражается в контекстах с помощью соответствующей

лексики (*придворный, при дворе, свита* и др.).

Анализ лексемы *пишот*, употреблявшейся sporadически и в XX в., позволяет выявить в ее структуре следующие семантические компоненты: «пресыщенный», «требовательный», «надменный», «светский». Отношение к пишотам было негативным, о чем свидетельствуют контексты НКРЯ, в которых *пишот* характеризуется как брезгливый мужчина, по-светски элегантный, в роскошной внешней «оболочке»:

Итак, ложенный офицер, *пишот* и *фат*, *фразер* и *позер* в считанные месяцы вырастает до понимания, что не только моя честь есть честь государства, но и бесчестие государства есть мое бесчестие. (Б. В а с и л ь е в).

Значение лексемы *пижон* за более чем полутора вековое (с середины XIX в.) бытование в русском языке претерпело интересную семантическую трансформацию. Сначала номинация обозначала человека, которого легко одурачить:

Иные подводят под шулеров, и для этого рыщут по Петербургу, ищучи подходящих болванчиков, *пижонов* и стараются завести самое обширное знакомство. (К р е с т о в с к и й).

Затем слово стало прямым синонимом слов *франт*, *фат*, *щеголь* и т.п. и тем самым использовалось для характеристики внешнего облика молодого человека:

Я, например, предполагаю на последнем этапе выбрать время и всем побриться, одеть чистые воротнички, надушиться – выйти из машины *пижонами*. (Б р о н т м а н).

Сейчас семантика слова значительно расширилась. Так называют молодых людей, отличающихся показным поведением, наигранностью, неискренностью:

Это был не особенно хороший человек – хвастун, дешевка, *пижон*, и я, как и все, не любил его. (Д о м б р о в с к и й).

Более того, пижоны нередко сами пытаются одурачить окружающих: выдают себя за тех, кем они не являются, излишне манерничают, чтобы «произвести впечатление». Произошел своего рода семантический перевертыш: сначала *пи-*

жон был объектом обмана, теперь стал его субъектом (речь идет, конечно, об имплицитной форме обмана).

Наконец, в начале XXI в. появляется новый тип мужчины с соответствующим обозначением *метросексуал*. Вряд ли с точки зрения культурологии метросексуалов можно возвести к денди, как об этом пишут исследователи: «Метросексуал – это своего рода возрожденный из пепла истории вариант другого культурного феномена XIX в., известного европейской культуре под именем “денди”» [Ефремов 2009 б: 58].

Метросексуал – это «продукт» прежде всего экономического развития общества, а не результат тонкой душевной организации или протестных настроений. «Денди как подлинный лансёр опережает общественный вкус и сам задает стиль, а метросексуал согласен следовать сложившемуся на данный момент канону. <...> Метросексуальность – массовое явление, в то время как дендизм – удел одиночек. К тому же метросексуал вряд ли рискнет применять на практике дендистское искусство “нравиться не нравясь” – он слишком озабочен тем, чтобы произвести на всех приятное впечатление» [Вайнштейн 2005: 356].

Метросексуал – феномен, обусловленный прогрессом урбанистической культуры. Появление метросексуалов отчасти объясняется и реакцией на появление других гендерных стереотипов и их номинаций: мужского – *мачо* и женского – *эмансипте* (речь идет не об эмансипте XIX в., а о независимых женщинах конца XX в.). *Метросексуал* представляет собой противоположность *мачо*, т.е. брутального мужчины, и обладает некоторыми признаками женственности, в то время как *эмансипте* склоняются к более мужественному поведению. Облик метросексуала диктуется внешней средой, а облик денди возникает из внутреннего порыва. Метросексуалы, скорее, представляют собой своеобразную помесь галанта, фешенебля и петиметра или фата, так как они манерны, следуют определенному установившемуся модному канону и провоцируют неоднозначную реакцию общества.

Итак, резюмируя семантические трансформации проанализированных лексем, можно утверждать, что к облигаторным семантическим компонентам, которые присущи в той или иной степени всем вербализаторам стереотипа модного мужчины, относятся: «модный», «светский», «легкомысленный». В качестве дифференциальных выступают следующие семы: «глупость», «галломания» (*петиметр*), «самодовольство, пустота» (*фат*), «придворный» (*куртизан*); «надменность, нахальство» (*денди*) и др. В разной степени обязательности лексические значения этих слов могут содержать такие контекстуально обусловленные семы, как «женоугодность», «красноречие», «позерство», «поверхностность», «неискренность/лживость», «притворство», «практичность», «любоведливость», «вульгарность», «невежество» и ряд других.

Следует отметить, что в истории русского языка для многих упомянутых слов характерны следующие процессы: стабильное сохранение ядерной семы «модный», затухание периферийных компонентов значения, одновременные приобретение и актуализация пейоративных сем. Причина подобной отрицательной оценки кроется в том, что данная семантика не соответствует патриархатному образу идеального мужчины как сильного, смелого, социально активного человека. Модный, легкомысленный, манерный мужчина по многочисленным приметам (повышенное внимание к внешнему виду, чрезмерный уход за собой, позерство, стремление нравиться и др.) сближается в общественном сознании с представительницами женского пола, что воспринимается в рамках традиционной русской языковой картины мира крайне отрицательно. Однако бытование этого стереотипа на протяжении нескольких столетий сделало его неотъемлемой частью русской культуры.

Безусловно, в истории русского языка были и другие заимствования, обозначающие стереотип мужчины-модника, напри-

мер *шематон*, *стиляга*, *франт* и даже *джентльмен*. Исследование этих слов остается за рамками настоящей статьи по нескольким причинам: во-первых, их лексическое значение может быть слишком широким и требующим пространного исследования (*джентльмен*); во-вторых, их значение может быть крайне диффузно, а этимология темна (*шематон*); в-третьих, слово может обозначать представителя особой субкультуры – как мужчину, так и женщину (*стиляга*); в-четвертых, лексема может являться гиперонимом для всей тематической группы «модный мужчина» (*франт*). Последнее слово вообще требует отдельного серьезного анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. – М., 2005.
- Добродомов И. Г. *Денди* // РЯШ. – 2002. – № 4.
- Ефремов В. А. «Мужчина» и «женщина» в русской языковой картине мира. – СПб., 2009 а.
- Ефремов В. А. От *мачо* к *метросексуалу* и далее // Русская речь. – 2009 б. – № 4.
- Иванов С. Л. История щегольской лексики в русском языке XVIII–XX вв.: Дис. ... канд. филол. наук. – М., 2003 (а).
- Иванов С. Л. К истории слова *фат* // РЯШ. – 2003. – № 1 (6).
- Куликова И. Тип петиметра в русской комедии XVIII в. // *Literatura*. – 2004. – № 46 (2).
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994.
- Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. – Л., 1983.
- Николина Н. А. «Русский француз» (щегольское наречие в пьесе Д. И. Фонвизина «Бригадир») // РЯШ и Д. – 2012. – № 2.
- Словарь современного русского литературного языка. – М.; Л., 1957 (БАС I).
- Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – М., 1994.
- Этимологический словарь русского языка. – М., 1973. – Вып. V [ЭСРЯ МГУ].
- The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. – N. Y., 1996 [CODEE].